

А. Н. Чеканский

Х. К. АНДЕРСЕН И СОВРЕМЕННОСТЬ

(по материалам автобиографической прозы
писателя Х. К. Андерсена)

Х. К. Андерсен, бесспорно, принадлежит к числу наиболее «читаемых» авторов, классиков мировой литературы. Но многое ли читатели и почитатели писателя знают о нем самом, о его жизни и судьбе? Вопрос отнюдь не праздный, ибо именно этим незнанием в первую очередь можно объяснить те недоразумения, что происходят с наиболее популярной частью творческого наследия Андерсена — его сказками и историями в иноязычных культурах. Самое главное заблуждение состоит в отнесении сказок Андерсена к сугубо детскому чтению (на самом деле «детскими» можно считать никак не больше двух десятков из почти ста шестидесяти, созданных автором). Вот и стремятся его зарубежные интерпретаторы адаптировать тексты к детскому восприятию, то смягчая жестокую концовку или вообще присочиняя хэппи-энд, то — что чаще всего и бывает, — сбиваясь на пересказ в стремлении избежать слишком жестоких для детей сцен.

А ведь еще Гёте наставлял нас: тому, кто хочет поэта постичь, следует отправиться в страну поэта. И, разумеется, речь он вел не только и не столько о той территории в рамках государственной границы, где поэт родился и чью культуру впитал с молоком матери, сколько мир его чувств и мыслей, который развивался и под воздействием иных культур. Безусловно, в какой-то степени «страна поэта» открывается нам в его творчестве, и все же лучшим путеводителем

в данном случае, пожалуй, оказываются его собственные свидетельства, заключенные в автобиографиях, письмах и дневниковых записях. Блестящим примером, подтверждающим этот тезис, является, например, работа одного из ведущих на сегодня андерсеноведов мира Йохана де Мюлиуса «Есть только один Бог. Х. К. Андерсен и ислам»¹, в которой, так сказать, «доказательная» часть основана именно на скрупулезном изучении дневников, писем и автобиографий писателя.

Впрочем, обратимся к тому, что сам Андерсен думал на этот счет. В небольшом введении к первой своей автобиографии «Жизнеописание» он среди прочего пишет: «Я записываю здесь все, что память сохранила о моих юношеских годах, и, быть может, эти отрывки воспоминаний помогут человеку, мне не знакомому, постороннему, сложить их в единое целое и объяснить, оправдать и прояснить многое в моих стихах, если, конечно, люди будут читать их после моей смерти». (IV, стр. 5)². Разумеется, в рамках данной статьи мы не сможем «сложить <...> отрывки воспоминаний <...> в единое целое», поэтому сконцентрируем внимание на самом главном, попытавшись ответить на вопрос: чем Андерсен может быть интересен и полезен (второе, вероятно даже более важно в наше прагматичное время) нам сегодня, иными словами, в чем актуальность творчества и жизненного опыта Андерсена в наши дни? Однако сперва несколько подробнее об источниках.

Книга автобиографической прозы Ханса Кристиана Андерсена «Сказка моей жизни» вышла в свет в двух томах в 1855 г. и составила заключительные тома «Собрания сочинений» Андерсена, принятого в связи с пятидесятилетием писателя, однако это отнюдь не первый опыт автора в жанре автобиографии. Отправляясь в 1832 г. в первое продолжительное заграничное путешествие, Андерсен оставил своим друзьям описание своей жизни, доведенное до 1831 г. Рукопись эта пролежала в полной неизвестности почти сто лет, пока в 1926 г. ее не обнаружил и не издал под названием «Жизнеописание Х. К. Андерсена» известнейший датский литературовед и критик Ханс Брикс.

¹ *Mylius J. de. Der er kun én Gud. H. C. Andersen ser på islam. Odense, 2006.*

² Здесь и далее цитаты из автобиографий Андерсена даются по изданию: *Андерсен Х. К. Собрание сочинений: В 4 т. М., 2006. Т. III: Сказка моей жизни; Т. IV: Жизнеописание.*

Вторично Андерсен предпринял попытку составить свое более или менее полное жизнеописание — теперь уже публично — в 1847 г. по просьбе немецкого издателя, датчанина по происхождению Карла Б. Лорка, предпославшего «Сказку моей жизни без прикрас» в качестве введения к «Собранию сочинений» Андерсена на немецком языке. Английский перевод этого издания вышел в том же году и был немедленно перепечатан в Америке.

В 1868 г. в связи с изданием в США полного авторизованного собрания сочинений Андерсена писатель начал работу над продолжением «Сказки моей жизни», в котором довел свое жизнеописание до 1867 г. Впервые дополненная автобиография Андерсена вышла три года спустя в Нью-Йорке. На датском языке эта часть биографического очерка опубликована сыном Эдварда Коллина под названием «Х. К. Андерсен. Сказка моей жизни. Продолжение (1855–1867)» уже после смерти автора, в 1877 г., сперва отдельным оттиском, а затем во втором издании «Собрания сочинений».

Последующие публикации «Сказки моей жизни» в Дании сопровождаются, как правило, приложением, включающим «Продолжение» и «Послесловие» с подзаголовком «Последние годы жизни Х. К. Андерсена», составленными Эрлингом Рёрдамом на основе писем писателя и его дневниковых записей, которые он вел вплоть до самой кончины.

Авторы первого перевода «Сказок моей жизни» на русский язык — знаменитые переводчики произведений скандинавской литературы Анна и Петр Ганзен полагали, что книга слишком перегружена описаниями природы и городов, которые можно найти в многочисленных книгах путевых заметок Андерсена, а также малозначительными эпизодами встреч писателя с политическими деятелями, королевскими особами и т. д. Поэтому в их переводе ряд сцен либо опущен совсем, либо дан в сокращении или переложении. В принципе соглашаясь с авторами, можно лишь отметить, что в отборе материала они были не всегда последовательны и аккуратны, отчего в русском варианте оказалась нарушенной композиционная стройность книги, а за его пределами остались некоторые эпизоды, которые могли бы представить интерес и для современного читателя. А вот в юбилейном четырехтомнике издательства «Вагриус» «Сказка моей жизни» впервые представлена на русском языке в полном объеме, не говоря уже о том, что «Жизнеописание» в России вообще до сих пор не публиковалось.

Андерсену довелось стать свидетелем событий, в том числе и весьма печальных, которые привели к радикальным изменениям в политической системе и общественной жизни Дании и — что более важно — к крутым переменам в самосознании датчан. И если еще в 1870-е гг. знаменитый писатель Йенс Петер Якобсен с полным на то основанием считал датчан нацией созерцателей и фантазеров, то к концу века в обществе возобладал гораздо более прагматичный взгляд на жизнь. И, как это ни парадоксально (ведь он сам был романтиком или, по крайней мере, считался таковым), Андерсен во многом способствовал развитию этого процесса. Но знаменательно, что на страницах автобиографий автор либо вообще умалчивает об этих судьбоносных для своей страны событиях, либо пишет о них вскользь: просто Андерсен считал, что поэт не может быть слугой политики, а должен идти впереди политических движений как провидец. И надо сказать, что Андерсен провидел многое, например в своей знаменитой «скандинавской» песне «Один народ» за несколько лет до того, как идеи политического скандинавизма (объединения и сотрудничества народов скандинавских стран) приобрели жгучую актуальность. Заметим в скобках, что в наше время уровень развития интеграции на европейской Севере значительно выше, чем в рамках Европейского Союза, и по достижениям интеграционных процессов в этом регионе можно вполне надежно судить о возможных направлениях развития отношений в рамках ЕС. Но вот когда политические игры привели к войне, когда разразилась первая шлезвиг-голландская война и пролилась кровь, когда, что называется, родина оказалась в опасности, Андерсен не остался в стороне, он, будучи подлинным патриотом, призвал своих сограждан на борьбу с силами зла. А в том, что Андерсен был подлинным патриотом своей родины, убеждает его взволнованный, полный сочувствия ко всем страждущим, но напрочь лишенный псевдоромантических выпендрок и воздыханий рассказ о первой шлезвиг-голландской войне. Но сколь благороден его патриотизм, сколь гуманна его национальная гордость, выраженные в одной только фразе: «Я глубоко убежден, что сила наша не в мече, а в духовном развитии...»

На фоне всех этих исторических событий, экономической разрухи и нищеты в Дании невиданным ни до, ни после этого цветом расцвели искусства и науки, и нам достаточно назвать имена Торвальдсена и Бурнонвиля, Эленшлегера и Грундтвига, Эрстеда и Киркегора, чтобы понять, в какой богатейшей и разнообразнейшей куль-

турной среде рос и учился Андерсен. Со многими великими людьми своего времени поэт встречался, с некоторыми был коротко знаком и даже близко дружен, о них он ведет рассказ на страницах своих автобиографий, как, впрочем, и о многих европейских знаменитостях — Гейне, Гюго, Рашели, Диккенсе.

Впрочем, взаимоотношения Андерсена с людьми — это тема особая, ведь так много писали и говорили о его вспыльчивости, неуживчивости, чудачествах. Однако дело в том, что Андерсен действительно выделялся среди писателей и поэтов «золотого века», но вовсе не дурным характером или непредсказуемым поведением. Нет, он единственный среди них вышел из низов, а все остальные почти без единого исключения — из благополучных в смысле достатка семей. Ему было знакомо то, чего не могли видеть его коллеги по профессии, и он никогда не забывал своего «пролетарского» происхождения и потаенного знания жизни на «дне».

Многие произведения Андерсена, даже те, в которых автор обрабатывает фольклорный или литературный мотив, в культурно-историческом, биографическом, а зачастую и в языковом плане можно «привязать» к какой-то конкретной ситуации, местности, событию или прототипу персонажа. Два небольших примера: «Это был огород моей матери. Он и теперь еще цветет в моей сказке “Снежная королева”», или: «Старая Доменика в “Импровизаторе” и мать скрипача в романе “Всего лишь скрипач” — в этих двух образах я постарался изобразить свою матушку» (III, 6). Впрочем, материала для подобных сопоставлений в автобиографиях можно найти много, даже в тех случаях, когда автор прямо на них не указывает.

Вообще же первую главу «Сказки» (в дальнейшем автор выступает не как художник, а, скорее, как скрупулезный и педантичный историк или хроникер, фиксирующий в основном внешнюю фактуру событий) и в особенности «Жизнеописание» можно отнести к лучшим образцам мировой литературы, и не только в жанре автобиографий. Ведь у читателя практически не возникает ощущения, что автор пишет о себе. Нет, он пишет себя, и мы оказываемся словно бы в мастерской скульптора и воочию видим, как он «лепит» своего героя, как «создает» его характер — замечательная школа для начинающего прозаика!

Правда, здесь на помощь Андерсену приходит одна из его «странностей», заключающаяся в том, что характер поэта с детских лет не претерпел особых изменений, в нем, скажем, нет и следа тех психо-

логических зарубок, что обычно оставляет в душе человека переходный возраст. Это не значит, разумеется, что Андерсен на всю жизнь остался большим ребенком, нет, он был, конечно же, зрелым человеком и понимал о жизни гораздо больше многих, но то, что детское простодушие было свойственно ему до конца дней, так же как и великая вера в себя, в свои силы, это бесспорно.

Не удивительно поэтому, что те небольшие зарисовки из детских лет, представленные в первой главе, словно бы вмещают всего Андерсена, именно оттуда, из детства, тянутся нити к решениям и поступкам взрослого поэта, ко многим его персонажам и сюжетам. В те времена еще не знали, какое огромное значение для становления личности имеют первые годы жизни ребенка, но интуиция художника не подвела Андерсена и на этот раз, и он описал эти эпизоды так, что характер его предстает перед нами едва ли не во всей своей полноте. Открыта в будущее и знаменитая сцена в поле, где Андерсен вместе с матерью и другими горожанами собирали колоски. Вдруг появился злой и жестокий управляющий. Все убежали, Андерсен отстал от других. «Управляющий уже замахнулся на меня кнутом, но я взглянул ему прямо в глаза, и у меня невольно вырвалось: “Как смеешь ты бить меня, ведь Господь видит тебя!” И суровый человек сразу смягчился, потрепал меня по щеке...» (IV, 26). Помимо всего прочего эта сцена символизирует отношение Андерсена к окружающим: он, не смущаясь, выставляет свои слабости напоказ и тем самым обезоруживает противника.

Эта открытость характера была свойственна Андерсену с младых ногтей, оттого, видно, и не чурался он ни в малом возрасте, ни в дальнейшем личностей убогих и сырых, падших и брошенных на дно. Именно поэтому он всегда стремился к взаимопониманию в общении с другими людьми, при встрече с другими культурами и религиями старался отыскать в них нечто общее, тот духовный элемент, который не разъединяет, а объединяет людей и делает всех живущих на земле гражданами «государства Духа», как он выразился в одном из своих писем³. Вот откуда взялись все эти «чудные» личности, в которых нет недостатка на страницах романов и сказок писателя. С некоторыми из них мы встречаемся и в «Сказке моей жизни», и в «Жизнеописании», например с родным дедом будущего поэта. Еще до рождения внука он лишился рассудка, и его судьба

³ *Mylius J. de.* Der er kun én Gud. H. C. Andersen og islam. S. 10–11.

оставила в душе Андерсена неизгладимое впечатление на всю оставшуюся жизнь, он и сам стал бояться сойти с ума, поскольку знал, что я плоть и кровь его. О других своих родственниках, тетке и сводной сестре Андерсен почти не упоминает, слишком уж мрачный след в его душе оставило их пребывание на грешной земле.

Еще больше «белых пятен» биографического порядка во второй части «Сказки». Весьма, например, лапидарен автор в описании своих взаимоотношений с женщинами — не это ли один из источников тех, никак и ничем впрочем, не подтверждающихся слухов и домыслов, зачастую грязных и низких, что сопровождают земную и посмертную славу писателя? Так, чуть меньше двадцати строк посвящает Андерсен первой своей любви к Риборг Войт и даже забывает сообщить, что посватался к ней, хотя и знал, что она была уже помолвлена с другим.

Многие, правда, полагают, что, открывая Риборг свои чувства, Андерсен был заранее уверен в отказе, и такое его поведение объясняют нежеланием поэта связывать свою свободу, прежде всего творческую, какими бы то ни было узами. Есть и другая версия: дескать, Андерсен просто не был уверен в глубине своего чувства и не решился наложить на себя непосильные обязательства. Однако достаточно прочесть яркий и искренний рассказ Андерсена о своих взаимоотношениях с Риборг Войт, занимающий, кстати, седьмую часть «Жизнеописания», чтобы понять, сколь глубоко заблуждаются авторы подобных утверждений.

Отчаявшись добиться встречи с возлюбленной наедине, Андерсен решает написать ей письмо, которое, по его словам, вырвалось у него из груди, точно пламя из печки. И вот что он, в частности, пишет: «Любите ли Вы его больше всех на свете? Тогда помогите вам Господь обоим! Тогда мне хотелось бы, чтобы Вы были счастливы, я пожелал бы Вам этого от самого чистого сердца. Не думайте в таком случае о том, что написано в этих строках, считайте просто, что я из братских чувств прислал Вам лирическое стихотворение. Но любите ли Вы его такой высокой любовью, как Господа и вечное блаженство? Вы уверены в этом? Дайте же мне надежду, не пугайте меня! Я все для Вас сделаю, стану работать, сделаю все, чего потребуете от меня Вы и Ваши родители» (IV, 192).

Можно ли сомневаться в искренности чувств молодого человека, тем более поверенных любимой женщине, которая может поймать тебя на слове: ты ведь уже посвятил свою жизнь целиком поэзии,

а тут вдруг соглашаешься пойти на государственную службу, чтобы зарабатывать на жизнь семье? К тому же, как явствует из этого отрывка, он вовсе не был уверен в отказе. Но он все-таки последовал: «Прочитав мое письмо, она, я знаю, расплакалась, почувствовала себя несчастной. Она ведь сама несколько лет плакала и горевала из-за того, что родители были против ее любви, а <...> нет, у меня нет слов. Она сказала: “Но что же А. подумает обо мне, если я, даже ради него, нарушу данное мною обещание? Не решит ли он, что и его, может, ожидает такая участь? Она сказала, что это ее долг — быть верной другому, что она не может сделать его несчастным и что он любит ее всею душою и всем сердцем!” (IV, 193). Невозможно представить себе, что эта сцена разыграна по заранее написанному сценарию. И очень жаль, что Андерсен не написал, как собирался, «о том, как болезненно я пережил крах моей первой любви» (IV, 196), — работу над рукописью «Жизнеописания» прервал отъезд автора в большое заграничное путешествие, и впоследствии он к ней возвращался, — иначе в досужих разговорах о его взаимоотношениях с противоположным полом была бы поставлена окончательная точка.

Большое место в «Сказке моей жизни» занимает тема взаимоотношений Андерсена с критикой и критиками. К началу 1830-х гг. он стал уже довольно хорошо известен в литературных кругах, но его лирические и прежде всего драматические сочинения едва ли не в равной мере вызывали и похвалу, и хулу. В датском романтизме к тому времени выделилось два крыла — радикальное, группировавшееся вокруг Эленшлегера, которому симпатизировал и Андерсен, и более консервативное (Грундтвиг, Ингеманн и др.). Непримиримых противоречий между этими группировками, по большому счету, не было, но перепалки случались знатные, в них-то и перепало Андерсену, и чаще всего незаслуженно.

И вот почему незаслуженно: рамки «чистого» романтизма были Андерсену тесны, и он их решительно переступал. Вообще прозу его можно назвать предтечей реализма конца XIX в. Ему чуждо романтическое обожествление гения, в этом отношении он занимает гораздо более сдержанную позицию, хотя, разумеется, отдает дань и этой теме, но на свой, андерсеновский, лад, считая, что гения нужно всячески поддерживать, оберегать, окружать теплотой и заботой.

В еще меньшей степени присуще Андерсену свойственное романтикам чрезмерное восхищение стариной, временами героического эпоса и мифов. И уж совсем не укладывается в романтическое ми-

роощущение преклонение Андерсена перед наукой и техникой. Он и в жизни по-детски радовался всяким техническим новшествам, будь то пароход, железная дорога или фотография, и в творчестве отдал дань науке, например в «Капле воды».

В общем, и по своему мироощущению, и по его выражению Андерсен уходил от романтизма и при этом со всей решительностью преступал границы, установленные модной традицией. А что до критики, то доставалось ему от нее, пожалуй, не больше, чем многим его собратям по ремеслу. Другое дело, что он был необычайно чувствительным к этим нападкам и тяжело переживал их наедине с собой. И, вынося свой труд на суд публики и критики, вовсе не чувствовал полной уверенности в себе.

Об этом мы можем судить даже по названию его первого сборника прозы «Сказки, рассказанные детям», два последних слова в котором наводят на мысль: а не хотел ли он таким образом заранее оградить от критических нападков свое детище, которое поначалу вовсе не считал выдающимся произведением, а все надежды возлагал на свой талант романиста и драматурга? Что, дескать, взять с этих детских безделушек. Во многом поэтому так быстро и прочно прилипла к нему слава детского писателя (будем надеяться, все же не навсегда). Впрочем, эта «детская» история приводит нас к иному, очень важному и деликатному моменту, к уже упоминавшимся «странностям» в характере и поведении Андерсена, за которые ему тоже доставалось от современников.

Многие видят источник андерсеновских «чудаществ» в его непомерном тщеславии. И действительно, Андерсен был не просто тщеславен, он был чудовищно, но и великолепно тщеславен. Мы убеждаемся в этом, когда видим, с какой протокольной тщательностью фиксирует он любой, пусть даже самый незначительный знак внимания, оказанный ему какой-нибудь известной личностью. Однако, рассказывая нам об этих победах, столь дорогих его сердцу, поэт никогда не забывает, что он всего-навсего сын башмачника и прачки. «Я прославлю себя!» — так объяснял он матери свое решение перебраться в столицу. Но славы он желал не для того, чтобы добиться влияния, власти или богатства, слава — и только она — могла сообщить смысл его существованию, подтвердить, что жизнь его — сказка, и показать, что есть «Бог, который все направляет к лучшему».

Да, тщеславие Андерсена связано, конечно, с его неистребимой потребностью в самоутверждении, но оно еще выражает и глубокое

смирение его перед Господом, ведущим его по дороге жизни. И чем выше взбирается он по крутым ступеням славы, тем с большим смирением склоняет голову перед Божией волей: «Есть что-то возвышающее и страшное в том, что твои мысли разлетаются по свету и становятся достоянием других людей... Странное чувство радости, смешанное со страхом, наполняет меня всякий раз, когда гений моего счастья несет мои сочинения другим народам» (IV, 196). Радость — и страх, в этой двойственности, неопределенности — основная черта характера Андерсена.

А между тем Андерсена не назовешь человеком нерешительным. Он взбирается на Везувий чуть ли не по теплым еще потокам лавы, в течение месяца колесит по придунайским странам, охваченным вооруженным конфликтом. Или в самый последний момент заменяет счастливую концовку в «Истории матери» на трагическую, но более правдоподобную. Кстати сказать, в первом варианте «Новое платье короля» заканчивалось словами главного персонажа после без каких-либо эксцессов завершившейся процессии: «Теперь я всегда буду носить это платье». И только уже в корректуре появляется мальчик со своей сакраментальной фразой и всем, что с ней связано. И так всегда: осторожность в малом, решительность — в большом!

Одной из психофизических особенностей Андерсена была быстрая смена настроения, иногда мгновенный переход от меланхолии к радости, от шутливости к мрачности, и наоборот. «Я — словно вода, — писал поэт в одном из писем. — Все во мне в движении. Все отражается во мне». Но эти причуды психики объясняются не только особенностями его организма, они обусловлены и его социальной неустроенностью. Перешагнув все сословные границы, что по тем временам было делом почти невыполнимым, Андерсен так и не обрел определенного места в общественной иерархии. Не было у него ни семьи, ни дома, а ведь он так нуждался в дружеском участии и домашнем уюте.

И все-таки жизнь свою он называл прекрасной сказкой. Но жизнь не становится сказкой сама по себе. Ее нужно делать такой. А для того, чтобы серые наши будни расцвели пестрыми сказочными красками, нужна твердая, сильная воля. Для большинства романтиков сказка — это игра фантазии, выражение действительности в мечте, для Андерсена она жесткая, порой жестокая, но и прекрасная реальность. В ней есть и бедность, и благополучие, и борьба, и покой, и слава. Но создать такую сказку дано только тому, кто верит в свое

предназначение и не отступает от своей судьбы, именно в этом смысл названия книги, о которой мы сейчас говорим.

Вот такой он был человек, этот Ханс Кристиан Андерсен, человек, сотканный из множества противоречий, одновременно открытый и замкнутый, стремившийся к дружеской поддержке и теплу, но всю жизнь проживший в одиночестве, человек, с оптимизмом, основанным на непреклонной вере в конечное торжество добра, правды и красоты, смотревший в будущее, но знавший и горькие стороны земного существования.

«Жить — значит путешествовать», — говорил Андерсен, а путешественник он был неутомимый. Но во время своих странствий он всегда учился у людей, с которыми сводила его судьба, учился, читая книги своих товарищей по ремеслу, но более всего учился он у природы. Он посетил много стран, совершил восхождение из низов общества к едва ли не самой его вершине, открыл перед литературой новые горизонты, наконец, он просто прожил долгую жизнь. И даже время оказалось подвластно этому злостному нарушителю всех и всяческих границ, будь то географические, государственные, сословные или эстетические. Он и после физической смерти продолжает свое путешествие, он и по сей день живет в своих книгах и несет в наши дома радость встречи с подлинным искусством и настоящим современным человеком — Хансом Кристианом Андерсеном.

Так что вопрос, ценен ли для нас, живущих в эпоху, когда рушатся жесткие политические структуры, размываются границы, взрываются рамки прежних догм и канонов, жизненный и творческий опыт такого человека, представляется сугубо риторическим.